

СВЕТЛАНА КРЮЧКОВА: НАМ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, ЧТО МЫ МОЖЕМ НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ...

Нам кажется, что мы научились «просто, мудро жить». Но мы не знаем ответов, мы можем только ставить вопросы, говорит актриса Светлана Крючкова.

В наш век мало кто умеет читать стихи. Светлана Крючкова делает это мастерски, сочетая благородную простоту и глубокую выразительность: когда за внешним спокойствием скрывается страсть. Чаще всего она читает стихи трех величайших поэтов ушедшего столетия — Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и не столь широко известной, но не менее талантливой Марии Петровых.

ЧТОБЫ СЫГРАТЬ АХМАТОВУ, НУЖНО ПОЛУЧИТЬ ЕЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

— В июне этого года на I Международном Киевском кинофестивале (председателем жюри там был выдающийся польский режиссер Кшиштоф Занусси. — Прим. авт.) за роль Анны Ахматовой в фильме «Луна в зените» (режиссер Дмитрий Томашпольский) вы были награждены призом «За лучшую женскую роль»...

— Заметьте, не один приз на двоих, а и мне и Светлане Свирко дали. Кшиштоф Занусси, которого я глубоко почитаю и уважаю, сказал фразу, которая для меня очень важна: «Я не

понимаю, как эта артистка играет! Я не видел Ахматову живой, но у меня полное впечатление, что это ходит живой поэт!»

Когда близко подходишь к Ахматовой, надо быть очень осторожным, на все нужно ее благословение. Нужно быть очень деликатным и тактичным. И она все время дает понять, что она рядом. Это знала вся наша киногруппа и весь Музей — Фонтанный дом. Я очень долго подбиралась к Ахматовой. Три года назад меня пригласил Андрей Юрьевич Хржановский, который снимал фильм о Бродском «Полторы комнаты, или Сентиментальное путешествие на родину». Ахматова была в фильме меньше минуты! Но он увидел в этом образе меня. Мне делали портретный грим в пунинской столовой, и директор музея Нина Ивановна Попова распорядилась, чтобы мне дали шаль, которая принадлежала Ахматовой. Я испытывала священный трепет, это было первое приближение к Ахматовой! Через год после этого позвонил режиссер Дмитрий Томашпольский и предложил мне сыграть Ахматову, я категорически сказала: «Нет, не считаю себя вправе ее играть». Но он сказал, что фильм будет документально-художественный: «Вы будете играть актрису, которая говорит и ходит за Ахматовой». В фильме была еще одна опа-

сность — как читать стихи? Ведь невозможно слушать на протяжении двух часов, как читает свои стихи Бродский, или Ахматова, или Ахмадулина. Но как читает Бродского артист Козаков — можно! И у меня была очень тонкая задача, «на лезвии бритвы»: я не должна была читать как поэт и не должна была читать как актриса в фильме. Мне показалось, что нечто среднее мы все-таки нашли.

«ПОСКРИПЫВАЮЩАЯ» ДАЧА

— В жизни Анны Ахматовой было много мистики. Были ли встречи с мистикой на съемках увас?

— Было много, особенно в Комарове. В это поверили даже двое

наших мужчин, скептически относящиеся ко всему «мистическому», которые остались ночевать в комаровской «будке» (так Ахматова называла дачу в Комарове. — Прим. авт.). Ночью один проснулся от того, что его подбрасывало на кровати!

Дача «поскрипывающая», и они слышали явные шаги ночью. Когда мы снимали одну из сцен, произошла еще одна странная вещь. У нас была коробка от радиолы без внутренностей, просто макет! Мы сидели и слушали фултонскую речь Черчилля. А потом я от лица Ахматовой рассказывала про день 14 августа 1946 года, когда вышло постановление о журнале «Звезда». Когда я начала говорить (я учила и не могла запомнить этот монолог, попросила режиссера, чтобы он мне подсказывал, если я забуду), у меня было ощущение, что мне кто-то подсказывает! Я сказала слово в слово прямую речь Ахматовой! «...и вдруг через чужие спины и головы прочла свое имя...» — макет радиолы...завыл! Все оцепенели! Там нечему было выть!

Было много всякого мистического...

ЛИБО ДЕКАДЕНТКА, ЛИБО ЗАНУДНАЯ СТАРУХА

— Что прозвучит из Ахматовой в Капелле?

— Я буду читать программу, которую готовила после этого фильма. Дмитрий Львович Томашпольский, который сам писал сценарий (Петр Сергеевич Вельяминов сказал, что он давно не читал такого интеллигентного сценария), настолько глубоко изучил материал, так много рассказал нам об Ахматовой, что не полюбить и не углубиться, не нырнуть туда с головой было невозможно. С тех пор я делала эту программу, помня, что в 2009 году 23 июня... А я, кстати, родилась 22-го! Видите? Я всю жизнь живу на Фонтанке! И она жила на Фонтанке! Так вот, я помнила, что в этом году Анне Андреевне 120 лет, и мне хотелось сделать большую программу. Я сделала большую, двухчасовую программу «Путём вся земля...» и прочитала ее в Филармонии 29 марта, зал был полон. Много читала таких стихов, которые публиковались через 20 лет после ее смерти. После той программы многие люди говорили, что они изменили мнение об Ахматовой: это действительно мощнейшая, трагическая фигура.

Выстраиваю программу я не хронологически... и дошла до этого

сама, интуитивно! Я — Рак по знаку зодиака, и она тоже — Рак... Я потом уже нашла подтверждение, наткнувшись на ее записи, что неправильно читать стихи по хронологии. У меня задача, извините за высокопарность, вернуть Ахматову читателю, молодому в том числе. Потому что возникают только два образа, когда слышат об Ахматовой: либо декадентка («Все мы бражники здесь, блудницы») с картины Альмана, либо занудная старуха. А на самом деле она — человек очень страстный, она затаенно страстная! Озвучить ее стихи надо так, чтобы ты исчез, чтобы тебя перестало быть видно, чтобы зрительный зал остался наедине с поэтом и вдруг открыл в нем что-то, что бесконечно привлечет и сделает этого поэта любимым на всю жизнь. Вот эту программу «Путём вся земля...» я и буду читать 26 сентября. А в Москве для канала «Культура» буду читать усеченный вариант.

ЖИЗНЬ НА ЗАКЛАНИЕ

— Три женские фигуры: Ахматова, Цветаева, Петровых. Это три ваши любимые поэтессы...

— Да, это так. Я вообще считаю, что Цветаева и Ахматова — великие... как они обе любили, чтобы их называли... поэты! Равных им по масштабу поэтов-женщин в мировом масштабе я не знаю (не читала Сафо в подлиннике, поэтому не могу сравнить). Но ни Эмили Дикинсон, ни другие не могут сравниться с тем трагическим накалом, который был у Цветаевой. Она обладала уникальной способностью любить, чувствовать и передавать это. А Ахматову не зря называли эпохой. Все страшные катаклизмы, происходящие в мире и стране, она вобрала в себя и выразила в своем творчестве. Их вообще никто не имеет права судить! Никто! Их жизни были отданы на закланье.

У Марии Сергеевны Петровых не было такого мощного дарования. Оно было очень чистое по звучанию. Ирма Викторовна Кудрова (историк литературы, исследователь жизни и творчества Цветаевой. — Прим. авт.) как-то сказала, что в характере православного русского человека есть смирение, а если есть смешение кровей, то в характере — страшная буря! Буря была у Ахматовой и у Цветаевой, у них было смешение кровей! А у Петровых было высокое смирение. Ее поэзия более внешне спокойная. Но очень искренняя, глубокая и красивая по звукописи.

РИФМОВАТЬ МЫСЛИ

— Светлана Николаевна, вы сами писали стихи?

— Все мы пишем всякую абракадабру. Я пишу рифмованные строчки! Каждый нормально образованный человек должен уметь писать стихи, рифмовать свои мысли. Я тоже умею, могу написать валентинки или поздравительные открытки, я, кстати, всегда пишу поздравления в стихах. Я с девяти лет читаю стихи! Меня вообще ночью к ним допускать нельзя, я открываю сборник, и это для меня — как наркотик.

Поэт — это другое ощущение себя в этом мире. Они произносят неведомые нам слова, как будто у них другой словарь, хотя тоже говорят по-русски. «Поэт — это переводчик человека в разговоре с самим собой». Я достаточно косноязычна, не могу сказать все, что ощущаю. Я актриса, то есть человек, чувствующий глубже, больнее, сильнее, раннее, не всегда умеющий высказать это словами. А поэт может! И в двух словах! Это особый дар...

А сейчас очень много пишут стихов люди, считающие себя поэтами, издают стихи за свой счет. А зачем тратить деньги на тысячу экземпляров? Все хотят бессмертия!

МЫ МОЖЕМ ТОЛЬКО СТАВИТЬ ВОПРОСЫ

— Светлана Николаевна, вы научились «просто, мудро жить»?

— Нет конечно! А вы думаете, Ахматова научилась? Ничего подобного! Она написала это, когда ей было двадцать с небольшим лет.

Нам кажется, что мы научились так жить, пока этот корабль под названием жизнь не качнется так, что ты полетишь с кормы на нос и окажешься вверх ногами, не зная, куда тебе бежать и в какую сторону идти. Ничего мы не знаем! Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь, что мы не знаем ответов на вопросы. Мы можем только ставить вопросы.

Но я считаю, что поэзия спасает людей. Бывают такие пограничные состояния, когда человек подумывает уйти из жизни. И если ты в этот страшный момент открываешь поэтический сборник, думая, что плохо только тебе, ты понимаешь, что по сравнению, например, с Ахматовой или Цветаевой твоя жизнь просто прекрасна! Меня поэзия очень сильно поддерживает.

24 сентября 2009 года
БАЛТИНФО